

Виктор Петрович Поротников

300 спартанцев. Битва при Фермопилах

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7534796

300 спартанцев. Битва при Фермопилах / Виктор Поротников: Яуза: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50911-9

Аннотация

Первый русский роман о битве при Фермопилах! Военно-исторический боевик в лучших традициях жанра! 300 спартанцев принимают свой последний бой!

Их слава не померкла за две с половиной тысячи лет. Их красные плащи и сияющие щиты рассеивают тьму веков. Их стойкость и мужество вошли в легенду. Их подвиг не будет забыт, пока «Человек звучит гордо» и в чести Отвага, Родина и Свобода.

Какая еще история сравнится с повестью о 300 спартанцах? Что может вдохновлять больше, чем этот вечный сюжет о горстке воинов, не дрогнувших под натиском миллионных орд и павших смертью храбрых, чтобы поднять соотечественников на борьбу за свободу? И во веки веков на угрозы тиранов, похваляющихся, что их несметные полчища выпивают реки, а стрелы затмевают солнце, – свободные люди будут отвечать по-спартански: «Тем лучше – значит, станем сражаться в тени!»

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	31
Глава пятая	37
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Поротников

300 спартанцев. Битва при Фермопилах

© Поротников В.П., 2011

© ООО «Издательство «Яуза», 2011

© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Часть первая

Глава первая Леарх, сын Никандра

Этой процедуре подвергались все овдовевшие спартанки не старше сорока пяти лет. Так повелось с той поры, как граждане Лакедемона стали жить по законам Ликурга.

Из года в год ранней осенью в определенный день все вдовы Спарты, те, что еще могли рожать детей, были обязаны предстать перед особым государственным чиновником – гармосином. Гармосинов было пятеро, по числу территориальных округов, на которые был разделен город Спарта.

В обязанности гармосинов, которых ежегодно переизбирали, входило наблюдение за поведением и нравственностью свободнорожденных спартанок всех возрастов. Также гармосины были обязаны следить за здоровьем и внешним видом вдовствующих спартанок и способствовать тому, чтобы те поскорее вновь вышли замуж. Потому-то при ежегодных осмотрах неизменно присутствовали врачи, а женщин заставляли раздеваться донага, чтобы можно было узреть малейшие признаки любого зарождающегося недуга.

Пройдя осмотр у врачей, женщины по-прежнему в обнаженном виде поочередно представляли перед гармосином, который не только заводил с каждой речь о новом замужестве, но в первую очередь проявлял внимание к внешности женщины. Гармосин имел право высказать порицание и даже назначить наказание любой из вдов, если видел, что та плохо ухаживает за волосами или ногтями или же излишняя полнота портит ее фигуру.

Законодатель Ликург освободил спартанок от всех трудов по домашнему хозяйству, обязав их заниматься только собой, чтобы женщины всегда были здоровы и красивы, чтобы у них рождались крепкие дети. Спартанки с юных лет были обязаны заниматься гимнастикой, борьбой, плаваньем... Опытные педагоги обучали девушек ездить верхом, стрелять из лука, кидать дротик в цель. Девушки также обучались музыке, пению и танцам, без этого в Спарте не проходило ни одно торжество.

В этом году состоялись очередные Олимпийские игры, на которых спартанский юноша Леарх одержал среди сверстников из других греческих городов победу в пентатле. Так называлось пятиборье, куда входили бег, борьба, прыжки в длину, метание копья и диска.

По этой причине при нынешнем осмотре вдов в Лимнах гармосин Тимон особое внимание уделил спартанке Астидамии, матери Леарха. Спарта состояла из пяти больших кварталов, один из которых назывался Лимны. Астидамия овдовела семь лет тому назад, но вторично выходить замуж явно не спешила, целиком посвящая себя сыну. Кроме Леарха у Астидамии имелась еще дочь по имени Дафна, которая уже второй год пребывала в замужестве.

Для своих тридцати девяти лет Астидамия выглядела прекрасно. Это была довольно высокая белокожая женщина с широкими бедрами и гибкой талией. У нее были небольшие груди, красивые плечи, гибкие руки с изящными пальцами.

Тимон не смог отказать себе в удовольствии полюбоваться совершенными по красоте ягодицами Астидамии, поэтому он попросил ее повернуться к нему спиной.

Астидамия, полагая, что Тимон желает получше рассмотреть ее волосы, собранные в пышный пучок на затылке, уже поднесла руки к голове, чтобы вынуть из прически заколки и снять ленту, но Тимон остановил ее.

– Садись, Астидамия, – сказал гармосин. – Ты, как всегда, обворожительна!

– Я знаю, – невозмутимо промолвила Астидамия, усевшись на стул и положив ногу на ногу.

Астидамия несколько не стыдилась того, что находится обнаженной перед мужчиной, который восседает напротив в кресле с подлокотниками и не спускает с нее глаз.

Вся жизнь спартанок с юных лет и до зрелого возраста проходит под пристальным наблюдением гармосинов и их помощников, от которых было невозможно скрыть ни изъянов фигуры, ни непристойного поведения. Неусыпное око гармосина было для спартанок столь же незыблимо, как небо и солнце. К совершеннолетию каждая спартанка уже привыкала обнажаться перед гармосинами, от которых во многом зависело их женское счастье. Ведь девушке, имеющей недостаточно красивое телосложение, гармосин не позволял выходить замуж, покуда та не сгонит лишний жир или не исправит сутулую осанку.

У Астидамии никогда не было затруднений с гармосинами. Она вышла замуж в семнадцать лет за человека, которого полюбила. Супруг Астидамии умер от ран, он был самым прославленным воином в Спарте. На все уговоры родственников о новом замужестве Астидамия отвечала решительным отказом.

Тимон давно знал Астидамию. Он питал к ней чувство более глубокое, чем обычная симпатия, поэтому в его речи не было упреков и обвинений в недомыслии, к каким обычно прибегают другие гармосины, встречаясь со вдовами, не желающими заводить новую семью.

– Астидамия, не пора ли тебе прервать свое затянувшееся вдовство? – молвил Тимон, глядя женщине в глаза. – Ты родила Спарте олимпийника. Уже за одно это ты достойна счастливого супружества. Если ты переборешь свое упрямство, то вполне сможешь родить еще одного славного сына, а то и двух.

Астидамия ничего не сказала на это, хотя Тимон намеренно сделал долгую паузу.

– Вот список мужчин, достойных граждан, которые не прочь соединиться с тобой узами законного брака. – С этими словами Тимон придвинул к себе узкий ящик, стоящий на полу. Он достал из него две навощенные дощечки, соединенные красным шнуром. – Если хочешь, Астидамия, я зачитаю тебе весь список. Тут не меньше двадцати имен – очень широкий выбор.

Астидамия чуть заметно улыбнулась:

– В прошлом году список желающих взять меня в жены был втрое короче.

– Ничего удивительного – ведь твой сын стал ныне олимпийником, – заметил Тимон. – А каков сын, такова и мать.

– Вот как? – Астидамия опять улыбнулась. – А я полагаю, что любые качества характера, дурные и хорошие, дети наследуют от родителей, а не наоборот.

– Так, я читаю список... – Тимон раскрыл восковые таблички, как книгу. – Первым идет...

– Не утруждай себя, – прервала Тимона Астидамия. – Я уверена, в этом списке нет такого мужчины, который мог бы сравниться с моим Никандром.

– Если хочешь, можно устроить состязание женихов, – предложил Тимон. – Пусть твоим мужем станет сильнейший.

– Сильнейшего выявить нетрудно, – вздохнула Астидамия. – Главная трудность в том, смогу ли я полюбить этого человека. Согласись, Тимон, притворство в таком деле недопустимо. А скрытая неприязнь и вовсе оскорбительна.

Тимон убрал таблички обратно в ящик.

– Я вижу, ты не меняешься, Астидамия, – проворчал он. – Все так же красива и все так же упряма! Гляди, отцветет твоя красота и останешься ты наедине со своим гордым одиночеством.

– Тогда я приду к тебе, Тимон, – с лукавой улыбкой на устах проговорила Астидамия.

– К сожалению, я женат, – все так же ворчливо обронил Тимон.

– Ну и что, – пожала плечами Астидамия. – Закон ведь не запрещает спартанцам знатного рода иметь двух жен.

Двоеженство действительно было распространенным явлением среди спартанской знати, поскольку из-за постоянных войн мужчин в Спарте было меньше, чем женщин.

* * *

Леарх никогда особенно не стремился к первенству в состязаниях среди юношей. Лишь смерть отца пробудила в Леархе столь неумемное рвение, позволившее ему сначала стать лучшим бегуном в Спарте, а потом превзойти всех сверстников по прыжкам в длину, в метании копья и диска. За всеми этими успехами Леарха, по сути дела, стояла непреклонная воля его матери. Астидамия постоянно твердила сыну, мол, если его отец был лучшим воином в Спарте, то ему обязательно надо стать лучшим атлетом.

Супруг Астидамии при жизни мечтал о том, чтобы его сын стал победителем на состязаниях в Олимпии. Для Астидамии мечта ее безвременно умершего мужа стала чем-то вроде его последней воли. Сильная по характеру Астидамия приложила все свои старания, чтобы и ее сын загорелся честолюбием.

Среди сверстников Леарха имелись и более выносливые, чем он, и более смекалистые, и более сильные. Однако педономы только в глазах у Леарха видели несгибаемое упорство, благодаря которому этот юноша с женственными чертами лица в последний момент мог вырвать победу у более сильного соперника. Потому-то опытные педагоги решили отправить на состязания в Олимпию именно Леарха, сильнее всех прочих юношей настроенного на победу. И педономы не просчитались.

Став олимпийщиком, Леарх вкусил таких почестей от сограждан в свои девятнадцать лет, о каких никогда не смел и мечтать. Более всего Леарху запомнился его торжественный въезд в Спарту в колеснице, запряженной четверкой белых лошадей. В тот день Леарха, увенчанного венком из ветвей священной маслины, вышел встречать весь город от мала до велика. Тысячи людей выкрикивали приветствия Леарху, женщины и дети бросали цветы на дорогу перед колесницей. Поздравить Леарха пришли все высшие должностные лица Спарты: эфоры, старейшины и оба царя.

Отныне Леарх и все его будущие потомки освобождались от любых налогов в пользу государства. Самому Леарху с этого момента позволялось, несмотря на молодость, занимать самые почетные места на любых торжествах, а во время сражения Леарх имел почетное право находиться рядом с царем. Для спартанца это была самая высшая почесть.

Однако для Леарха в теперешнем его положении более приятной и волнительной оказалась выгода совсем иного рода. Леарх вдруг оказался в центре женского внимания. Не только сверстницы или девушки чуть постарше, но и замужние женщины выискивали разные способы, чтобы обратить на себя внимание олимпийщика. Матери, чьи дочери были на выданье, видели в Леархе самого выгодного жениха, какого только может послать девушке счастливая Судьба. Молодые вдовы страстно желали опутать олимпийщика своими чарами.

Спартанки охотились за Леархом, одержимые кто своим женским тщеславием, кто навязчивым желанием родить ребенка от олимпийщика. Женщины искренне верили, что всякий победитель передает своему потомству кроме внешнего сходства еще и свою удачливость.

Древние греки всерьез полагали, что с помощью тренировок вполне возможно взрастить сильного атлета. Однако при отсутствии удачи – этой столь изменчивой милости богов – даже самый сильный и ловкий атлет может оказаться на втором месте. Олимпийские игры

издревле считались под особым покровительством Зевса, царя богов. Вот почему всякий олимпиец признавался эллинами в какой-то мере любимцем Зевса.

Прошел всего месяц после победного возвращения Леарха из Олимпии, но и за столь небольшой промежуток времени сын Астидамии успел побывать в объятиях у стольких женщин, что давно сбился со счета. Каждый новый день начинался для Леарха с неизменной прогулки по городу, во время которой и случались все его любовные приключения.

Поскольку Леарху было девятнадцать лет, то по возрасту он входил в разряд юношей, называвшихся в Спарте меллирэнами. Это были юноши от восемнадцати до двадцати лет. Они были обязаны нести военную службу в пограничных крепостях. Победа в Олимпии освобождала Леарха от этой воинской повинности. Более того, педономы возлагали надежды на Леарха и на грядущих Немейских играх, проводившихся в аргонидском городе Немее зимой сразу после Олимпийских игр. На Немейских играх педономы намеревались выставить Леарха на состязании в двойном беге.

Этот забег назывался так потому, что бегун пробегал дистанцию в один олимпийский стадий (192 м), поворачивал в конце и снова возвращался к старту.

Перед началом тренировок для состязания в Немее Леарху были предоставлены два месяца отдыха на восстановление сил. Однако юнец, вошедший во вкус плотских утех, растрачивал свои силы, с утра до вечера охотясь за наслаждениями.

Вот и сегодня Леарх только собрался было прогуляться до площади Хоров, как перед ним внезапно появилась его старшая сестра, красотой и властностью уродившаяся в мать.

Дафна была прекрасно сложена, восхитительные формы ее тела хорошо просматривались сквозь легкую ткань пеплоса, длинные складки которого волнистыми линиями струились по стану юной спартанки. Узор ниспадающих складок причудливо менялся при каждом движении Дафны, и тогда сквозь мягкую бежевую ткань проступала то ее дивная грудь, то соблазнительная линия бедра, то округлое колено.

Золотистые длинные волосы Дафны были тщательно завиты длинными спиралевидными локонами и уложены в причудливую прическу. Вокруг головы Дафны шел валик из завитых волос, позади которого волосы были гладко зачесаны назад и собраны в пышный пучок. Несколько завитых локонов ниспадали Дафне на шею.

Такие прически спартанки переняли у карийских женщин. После того как персы подавили Ионийское восстание, в лаконских городах появилось немало выходцев из Карики, спасавшихся от мести персидского царя. Карийцы помогали ионийцам в их борьбе с персами.

Дафна поцеловала брата в губы. Так она делала всегда, когда собиралась поведать ему что-то очень важное.

Заинтригованный Леарх снял с себя плащ и уселся на скамью рядом с сестрой, повинаясь повелительному жесту ее изящной руки. В больших темно-синих глазах Дафны было что-то таинственное.

– Куда ты собрался? – спросила Дафна у брата. Не дожидаясь от него ответа, она добавила с улыбкой: – Все гоняешься за женскими юбками!

– Я гоняюсь?! – Леарх сделал изумленное лицо. – Еще неизвестно, кто за кем гоняется! Стоит мне появиться на улицах Спарты...

– Как женщины начинают набрасываться на тебя из-за каждого дерева, из-за каждого угла! – со смехом воскликнула Дафна. – Тебе, наверно, кажется с некоторых пор, что все женщины Спарты похожи на похотливых менад. Так, братец?

Леарх молча пожал плечами, не понимая, куда клонит Дафна и что ей, собственно, от него нужно.

– Я пришла сказать тебе, братец, чтобы ты не растрачивал себя попусту на всех женщин подряд, – уже совсем другим тоном промолвила Дафна. – Ведь тебе предстоит состязаться

в беге на Немейских играх. И еще: коль ты стал любимцем Зевса Олимпийского, то почему бы тебе не стать любовником женщины, чей род по отцовской линии восходит к царю богов.

На лице у Леарха появились удивление и любопытство. До сих пор ему удавалось соблазнять спартанок, которые не могли похвастаться знатностью своих предков. Как раз с такими женщинами Леарху было легче всего заводить знакомство накоротке где-нибудь на тихой улочке, поскольку спартанки из незнатных семей появлялись вне дома без сопровождения родственников или служанок.

– Тобой, братец, заинтересовалась одна очень знатная женщина, – продолжила Дафна, понизив голос. – Она желает встретиться с тобой сегодня ночью.

– Как ее зовут? – Леарх почувствовал, как сердце учащенно заколотилось у него в груди. – Сколько ей лет? Она красива?

– Имя этой женщины я пока не могу тебе назвать, – негромко ответила Дафна. – Она старше меня всего на четыре года. А ее внешность ты увидишь, когда придешь к ней на свидание. Не беспокойся, братец, эта женщина очень хороша собой.

– В каком месте эта знатная спартанка хочет со мной встретиться? – Леарх посмотрел в глаза Дафне.

– У меня дома, – сказала Дафна, не отводя глаз.

Леарх понимающе покивал. Муж Дафны ныне пребывает на Крите вместе со спартанским войском. Там идет война. Спартанцы приняли в ней участие, придя на помощь к своим давним союзникам.

– Придешь в первом часу пополуночи и постучишь в дверь вот так. – Дафна несколько раз ударила по скамье костяшками пальцев. – Только не грохочи изо всей силы!

Дафна упруго поднялась со скамьи, изящным движением оправив складки своего длинного одеяния.

– До свидания, братец! – Дафна нагнулась, подставляя щеку для поцелуя.

Леарх поцеловал сестру, и та направилась к выходу.

– Эта знатная женщина замужем? – торопливо спросил Леарх, когда его сестра взялась за дверную ручку.

Обернувшись, Дафна качнула своей красивой головой. При этом длинные локоны в ее причёске пришли в движение, будто подхваченные легким ветерком.

– Для тебя это имеет большое значение, братец?

– Вовсе нет. – Леарх вдруг смутился. – Я просто так спросил. Супруг ведь может потерять эту женщину, если она покинет свой дом посреди ночи.

– Не тревожься, братец. – Дафна ободряюще улыбнулась Леарху. – Мужа этой женщины нет в Спарте. И скоро он домой не вернется.

Дафна скрылась за дверью.

Объятый волнением, Леарх принялся лихорадочно соображать, какую из знатных молодых спартанок имела в виду его сестра. Он перебирал в памяти всех подруг Дафны, которые были старше ее по возрасту. Перед мысленным взором Леарха проходили чередой женские лица. Они возникали, словно видения, и тут же пропадали, поскольку ни одна из ближайших подруг Дафны, по мнению Леарха, не подходила под описание той загадочной незнакомки, которая «положила» на него глаз.

* * *

После осмотра вдов гармосины были обязаны отчитаться перед эфорами.

Коллегия эфоров, также состоявшая из пяти человек, заседала в эфореоне, небольшом здании, расположенном на главной площади Спарты. По своему положению эфоры являлись не просто блюстителями законов и древних обычаев Лакедемона. По сути дела, это была

высшая государственная власть, в подчинении у которой находились все прочие чиновники, старейшины и даже цари. Эфоры избирались сроком на один год. В эту коллегия неизменно попадали только самые знатные из спартанцев, чьи родословные восходили к богам и легендарным героям.

Старейшины, в отличие от эфоров, избирались в герусию на пожизненный срок. Но если эфором мог стать по закону всякий знатный гражданин, достигший сорокалетнего возраста, то в геронты выбирали лишь шестидесятилетних спартанцев. Совет старейшин был совещательным органом при царях, а также высшей судебной инстанцией в Спарте. Еще старейшины вели всю необходимую работу по подготовке и проведению народных собраний.

Гармосины давали отчет эфорам не все вместе, а по очереди, ибо каждый отвечал за свою собственную деятельность в одной из пяти ком, на которые делилась Спарта.

Гармосину Тимону по жребию выпало отчитываться перед эфорами самым последним. Тимон посчитал это везением, поскольку большими успехами он похвалиться не мог и уповал лишь на то, что эфоры не будут к нему слишком строги, выслушав отчеты тех гармосинов, у которых дела обстоят гораздо лучше.

Однако надежды Тимона на снисхождение к нему со стороны эфоров рассыпались в прах, едва он сообщил общее число вдов в Лимнах, число родившихся детей за последние полгода и число умерших мужчин за этот же период.

После радужной картины, вырисовывавшейся из отчетов прочих гармосинов, сообщение Тимона вызвало сильное недовольство у эфоров. Особенно негодовал эфор-эпоним Сосандр.

– Значит, младенцы в Лимнах мрут как мухи, зрелых мужчин там становится все меньше, а женщины не рожают детей, ибо почти каждая четвертая вдовствует, – мрачно подытожил он. – Я думал, что в Киносуре самое плохое положение с рождаемостью и смертностью. Выходит, я ошибался – худшее положение, оказывается, в Лимнах.

Эфоры восседали в удобных креслах с подлокотниками из слоновой кости. Тимон стоял перед ними с навощенной табличкой в руках.

– Так-то ты служишь государству, Тимон! – раздался осуждающий голос эфора Клеомеда. – Или тебе неизвестно, что община спартиатов заинтересована в большей рождаемости? Ты забыл разве, что Спарта окружена селениями илотов, которых в несколько раз больше, чем спартанцев. Только наше сильное войско удерживает илотов в повиновении. Воины не возникают по мановению руки, Тимон. Воинов приходится возвращать из мальчиков. А чтобы было больше мальчиков, спартанки должны чаще рожать. Тебе это понятно?

– Вполне. – Тимон удрученно покачал головой.

– Тогда почему в Лимнах так много молодых вдов? – Клеомед не скрывал своего раздражения. – Где результат твоей деятельности, Тимон?

– Мне удалось выдать замуж всех вдов моложе тридцати лет, – оправдывался Тимон. – Поверьте, это было нелегко сделать, ведь у женщин на первом месте чувства и симпатии, а не желание рожать детей от кого попало.

– Что значит от кого попало! – рассердился Сосандр. – Никто не принуждает тебя, Тимон, предлагать в мужья вдовствующим спартанкам периежков и неодамодов. Если в Лимнах мало вдовцов-спартанцев, значит, тебе нужно обращаться за помощью к другим гармосинам.

– Я обращался. – Тимон уязвленно вскинул голову. – Но в соседних комах та же самая картина: вдов больше, чем вдовцов. Ведь женщины в Спарте умирают только от болезней, а мужчины погибают не только от болезней, но и на войне.

– Ты сообщил нам неслыханную новость, Тимон! – язвительно усмехнулся Сосандр. – Может, ты предлагаешь спартанцам вообще не браться за оружие?

– Этого я не предлагаю! – огрызнулся Тимон. – Я вообще ничего не предлагаю! Я просто объясняю, дабы вы все не подумали, что я бездельничал, заняв должность гармосина.

– Может, ты и не бездельничал, друг мой, – промолвил эфор Геродик, голосом и взглядом давая понять Тимону, что отговоркам тут не место. – Однако плоды твоей деятельности ничтожно малы. Ты говоришь, что выдал замуж всех вдов моложе тридцати. Что ж, это похвально. Но в твоем списке основная масса вдов – это женщины старше тридцати лет. О них ты, как видно, забыл.

– Я уже подыскал мужей семерым вдовам из этого списка. – Тимон холодно взглянул на Геродика.

– Семерым из тридцати трех! – Геродик поднял кверху указательный палец, акцентируя на этом внимание своих коллег.

– И впрямь, Тимон, успехи твои скромны, если не сказать ничтожны, – вставил эфор-эпоним. – В этой связи я хочу заметить, что когда наше войско вернется с Крита, то вдов в Спарте, конечно же, прибавится.

– Я не могу силой принуждать вдов снова выходить замуж, все они свободные женщины, – сказал Тимон, чувствуя, что эфоры явно намереваются наказать его огромным штрафом. – Я также не имею права предлагать вдовам в мужья тех вдовцов, которые по разным причинам ограничены в гражданских правах. Мне приходится учитывать симпатии женщин в большей мере, чем симпатии мужчин-вдовцов. Ведь речь идет не просто о соединении двух одиноких людей, но о создании полноценной семьи, в которой должны появиться дети или хотя бы один ребенок.

Однако эфоры продолжали обвинять Тимона в нерадивости.

– Ладно бы, в твоем списке среди вдов не было привлекательных женщин, но ведь это не так, – заметил эфор Клеомед. – Неужели для красавицы Астидамии не нашлось мужчины, согласного взять ее в жены? Ни за что не поверю в это!

Тимон с тяжелым вздохом поведал эфорам, что как раз Астидамия-то самая неприступная из всех лимнатских вдов.

– Многие мужчины сватаются к Астидамии, но она всех отвергает из-за своей любви к умершему мужу, – сказал он.

– Мне непонятно, друг мой, – опять заговорил эфор Геродик, – ты выгораживаешь себя или Астидамию?

– Никого я не выгораживаю! – Тимон начал терять терпение. – Я лишь пытаюсь объяснить вам...

– Он пытается объяснить нам ситуацию, – проговорил эфор Клеомед, повернувшись к Геродиду. – Когда не справляются с делами, всегда пытаются что-то объяснить.

– А-а, – протянул Геродик, насмешливо качая головой.

– Твои объяснения нам понятны, Тимон, – сказал эфор-эпоним, нахмутив брови. – Нам только непонятно, почему граждане Лимн назначили гармосином именно тебя. Твоя рассудительность похвальна. Однако было бы лучше, если бы ты не потворствовал капризам вдов, но ради выгоды государства сочетал по возможности хитрость с принуждением. Ведь чувства женщин переменчивы, как погода весной.

До конца года по спартанскому календарю оставалось еще около месяца. Эфоры решили не штрафовать Тимона, но дать ему последнюю возможность до сложения должности гармосина улучшить положение в Лимнах если не с рождаемостью, то хотя бы с уменьшением числа вдовствующих спартанок.

Тимон и за это был признателен эфорам, хотя понимал в душе, что вряд ли ему по силам сделать за месяц то, чего он не смог сделать и за год.

Желая приучить граждан к коллективизму и взаимовыручке, законодатель Ликург разделил все мужское население Спарты на возрастные группы. С семи лет спартанские маль-

чики пребывали в илах, отрядах по пятнадцать-двадцать человек. Эти отряды жили в особых помещениях, куда был запрещен доступ родителям и родственникам маленьких спартанцев. Во главе илы стоял иларх, это был, как правило, юноша до двадцати лет, заслуживший это право своим безупречным нравственным обликом. Несколько ил объединялись в более крупное подразделение, называвшееся бум. Во главе буя стоял буаг, избирившийся самими детьми из числа илархов.

Таким образом, сыновья спартанских граждан с самых юных лет приучались к дисциплине и суровому распорядку, царившему в илах, напомиравших военный лагерь.

Помимо обычных школьных занятий, где детей обучали читать, писать и считать, педагоги заставляли своих воспитанников играть в подвижные коллективные игры, развивая в них сноровку и смекалку. Всех детей без исключения учили плавать, преодолевать различные препятствия, лазить по деревьям. С десяти лет мальчиков обучали музыке и танцам, преимущественно военным, демонстрирующим ловкость и умелое обращение с оружием.

В шестнадцать лет юные спартанцы становились эфебами, то есть «выпускниками». Их распределяли по агелам, группам по двадцать пять – тридцать человек. С этой поры главный упор в воспитании делался на развитие силы, выносливости, умения терпеть боль. Во главе агелы стоял агелат. Обычно это был отец одного из эфебов, имевший заслуги перед государством. Агела была прообразом будущего воинского подразделения – эномотии.

Достигнув восемнадцати лет, спартанские юноши становились меллирэнами, то есть «кандидатами».

Меллирэны всей агелой вступали в спартанское войско и были обязаны два года нести службу в пограничных крепостях. Агела преобразовывалась в эномотию, которая, в свою очередь, делилась на еще более мелкие подразделения – филы. Отныне главной обязанностью юношей, ставших воинами, было постижение нелегкой воинской науки. Юноши должны были за два года научиться владеть мечом и копьем, держать строй на марше и в бою, совершать различные перестроения в полном вооружении, перевязывать раны, выдерживать длинные переходы в жару и холод, днем и ночью.

Только после этого меллирэнов допускали к присяге. В двадцать лет все присягнувшие спартанские юноши становились ирэнами, то есть «достойными». Они по-прежнему проводили большую часть времени в военном стане, но уже не на границе, а поблизости от Спарты. Ирэны еще не имели гражданских прав, они лишь готовились стать полноправными гражданами. Для этого им было необходимо доказать свою доблесть, честность, непорочность и завести семью.

В тридцать лет ирэны становились спартиатами, то есть спартанскими гражданами. У них появлялось право участвовать в народном собрании, быть избранными на любую гражданскую должность, кроме эфората и герусии, а также на любую военную должность, кроме лохагов и гармостов. Всякий спартанец, вступающий в гражданский коллектив, получал от государства участок земли – клер. Обрабатывать этот участок были обязаны государственные рабы – илоты, отдававшие половину урожая своему господину.

Все женатые спартанцы объединялись в сисситии – так назывались коллективные трапезы, проходившие в вечернее время. Если утром и днем спартанский гражданин мог разделить трапезу дома с супругой, то вечером он был обязан находиться в кругу своих сотрапезников. На этих коллективных трапезах граждане не просто утоляли голод, здесь прежде всего обменивались новостями, вели беседы на различные темы, приглашали друг друга в гости, советовались по поводу разных дел.

В каждой коме, из которых состояла Спарта, было по шесть об – родовых объединений. Каждая об имела свой дом сисситий. В каждом таком доме собиралось по несколько групп сотрапезников, которые подбирались по родству и знатности. В одной такой группе сотрапезников могло быть от пятнадцати до тридцати человек. Это зависело от числа граждан,

имевших доступ на сисситии в той или иной обе. Каждый сотрапезник ежемесячно приносил два мешка ячменной муки, два больших сосуда с вином, корзину смокв, несколько головок сыра и немного денег для покупки мяса и рыбы.

Если кто-то из сотрапезников совершал жертвоприношение или уходил на охоту, то для общего стола поступала часть жертвенного животного или добычи. Те граждане, кто не вносил необходимые взносы, на общественные трапезы не допускались. Доступ туда был закрыт и для граждан, запятнавших себя каким-нибудь преступлением, трусостью в сражении и неожиданно овдовевшим. Не посещавшие сисситии спартанцы соответственно лишались части гражданских прав. Эти люди имели право участвовать в народном собрании и служить в войске, но их нельзя было избирать ни на какую должность.

* * *

Выйдя из эфорея, Тимон отправился не к себе домой, а в гости к спартанцу Эвридаму, который вот уже несколько лет мыкался один, без жены. Супруга Эвридама скончалась при родах, произведя на свет третьего сына. В связи с этим получилась довольно запутанная ситуация. По спартанским законам спартанец, имеющий троих сыновей, освобождается от многих государственных повинностей. И Эвридам имел эти привилегии, но в то же время он был ограничен в гражданских правах из-за своего затянувшегося вдовства.

Эвридам был еще не стар, ему было сорок шесть лет. Участие во многих битвах с врагами ему дорого обошлось. В сражениях Эвридам потерял левый глаз и четыре пальца на левой руке, а также он сильно хромал на правую покалеченную ногу. Кроме этого, лицо Эвридама было покрыто ужасными шрамами, так что смотреть на него без содрогания было невозможно. Хромота и отталкивающий внешний вид отпугивали от Эвридама всех спартанок, поэтому он жил с рабыней, захваченной им в одном из походов.

Старший сын Эвридама был уже эфебом, двое младших сыновей пребывали покуда в детских илах. Мальчики виделись с отцом всего несколько раз в году по большим праздникам, все остальное время проводя в кругу своих сверстников.

Эвридам удивился, увидев Тимона на пороге своего дома.

– Заходи, гармосин! – с беззлобной иронией промолвил он, выслушав приветствие нежданного гостя. – Рад тебя видеть! Зачем-то я тебе понадобился, не иначе.

Единственный глаз Эвридама с нескрываемым любопытством сверлил Тимона, который чувствовал себя довольно неловко.

Действительно, когда-то Тимон был частым гостем Эвридама. В ту пору Эвридам был здоров и крепок. Он стоял во главе эмотии и обладал всеми гражданскими правами. Потом у Эвридама умерла жена, а его самого постоянно преследовали тяжелые увечья и раны. В конце концов Эвридам был отчислен из войска и забыт не только властями, но и многими друзьями.

– У меня к тебе серьезный разговор, – выдавил Тимон, слегка прокашлявшись, чтобы скрыть волнение.

– Тогда прошу в экус, приятель. – Эвридам сделал гостеприимный жест в сторону самого большого и светлого помещения в доме.

Эвридам был искренне рад встрече с Тимоном.

Проходя через мужской мегарон, Тимон покосился на молодую темноволосую женщину с большим некрасивым носом и небрежно одетую. Это была рабыня Эвридама, которая не только ублажала его на ложе, но и делала всю работу по дому. В данный момент она готовила обед, подкладывая в огонь очага корявые поленья. На огне стоял большой глиняный горшок, в котором булькало какое-то варево, судя по запаху, чечевичная похлебка с мясом.

Рабыня бросила на Тимона любопытный взгляд, поправив при этом растрепанные пряди своих черных вьющихся волос.

Оказавшись в комнате для гостей, озаренной алыми лучами заходящего солнца, проливавшимися в узкие окна, Тимон сел на стул.

Обстановка в комнате была бедна, почти убога. На двери висела выцветшая занавесь. В центре стоял овальный обшарпанный стол. По углам виднелась густая паутина. Давно небеленные стены потемнели от копоти светильников, которые освещают дом в вечернее время. Единственным украшением этой комнаты был мозаичный пол, на котором из разноцветных речных камешков были выложены атлетичные фигуры двух сражающихся гоплитов в полном вооружении.

– Скоро совсем стемнеет, – заметил Эвридам, усаживаясь на другой стул напротив гостя. – Ты можешь опоздать к обеду в дом сисситий.

Тимон сразу уловил намек Эвридама, мол, гость может в двух словах объяснить цель своего прихода и поспешить на обед, дабы у него не было неприятностей из-за опоздания. Эвридам не обидится на Тимона за это.

Тимон промолвил, глядя в лицо Эвридаму:

– Не беспокойся, друг мой. Я предупредил своих сотрапезников, что сегодня вечером меня не будет на общем застолье. Я сказал им, что государственные дела для меня важнее желудка. Мои сотрапезники отнеслись ко мне с пониманием. Хотелось бы, Эвридам, чтобы и ты выслушал меня с такой же гражданской ответственностью.

И без того сосредоточенное лицо Эвридама стало еще серьезнее.

– Я слушаю тебя, Тимон, – проговорил он, чуть подавшись вперед.

– Чтобы вновь стать полноправным спартиатом, друг мой, тебе нужно лишь жениться, – начал Тимон. – Я знаю, что женщины тебя сторонятся. Так вот, я хочу обсудить с тобой, какую из вдов ты согласен взять в жены. Со своей стороны я обещаю тебе устроить так, что выбранная тобой женщина не посмеет ответить отказом.

– Это и есть твое государственное дело? – с нескрываемым разочарованием произнес Эвридам.

– Друг мой, – с горделивым достоинством промолвил Тимон, – забота о каждом из сограждан есть первейшее дело любого спартиата, облеченного властью. Ведь защита отечества целиком ложится на плечи граждан. Ты славно послужил Спарте на полях сражений. Поэтому, Эвридам, твое ограничение в гражданских правах совершенно недопустимо. Вот почему я здесь.

Эвридам криво усмехнулся. Было видно, что благое намерение гостя скорее уязвляет его, нежели радует.

– Сдается мне, Тимон, что ты вещаешь чужими устами! – Эвридам откинулся на спинку стула. – Тебя небось эфоры обязали пожаловать ко мне, вот ты и стараешься!

Уловив перемену в настроении Эвридама, Тимон как ни в чем не бывало предложил:

– Может, перекусим чего-нибудь? Я что-то проголодался. Полагаю, твоя рабыня уже приготовила обед. За едой и продолжим наш разговор.

Эвридам не стал возражать. Он молча встал и удалился в поварню.

Вскоре Эвридам вернулся в гостиную вместе с рабыней, которая несла на подносе румяные ячменные лепешки, нарезанный козий сыр, соленые оливки и две глиняные тарелки с горячим чечевичным супом.

От запаха свежей еды у Тимона потекли слюнки и засосало под ложечкой.

– Похоже, дружище, твоя рабыня умеет недурно готовить! – с довольной улыбкой сказал он.

– Поверь, она прекрасно справляется не только с этим делом, – ухмыльнулся Эвридам и похлопал рабыню, выставившую яства с подноса на стол, по округлому заду.

Молодая женщина слегка покраснела. В то же время она не могла скрыть того, что ей приятен такой отзыв о ней ее господина.

– Пардалиска, – бросил Эвридам рабыне, направлявшейся обратно в поварню, – принеси воды и полотенце.

Пардалиска принесла небольшой медный таз с водой и приблизилась к Эвридаму, но тот кивком головы указал ей на гостя. Рабыня, обойдя стол, подошла к Тимону, держа таз обеими руками. На плече у нее висело льняное полотенце.

Наскоро ополоснув руки, Тимон с жадностью принялся за еду. Краем глаза он заметил, что Эвридам, перед тем как вытереть руки полотенцем, игриво смахнул с кончиков пальцев несколько капель прямо в лицо Пардалиске. Это лишний раз подтверждало то, что Эвридам вовсе не тяготится своей участью вдовца.

– Если твоя рабыня родит от тебя сына, то у него не будет гражданских прав, – как бы между прочим заметил Тимон после того, как Пардалиска удалилась.

– Как ты догадался, что Пардалиска беременна? – удивился Эвридам. – Она всего-то на втором месяце.

– Я и не думал об этом, – Тимон пожал плечами. – Я просто предупредил тебя, что твой сын от рабыни не сможет стать полноправным спартиатом. Только и всего.

– Мне это известно, – мрачно буркнул Эвридам, отправляя в рот ложку с супом.

– И еще, друг мой, мне жаль, что твои ласки и твое семя достаются какой-то рабыне, а не спартанке, способной родить крепких и таких нужных Лакедемону детей. – Тимон с печальным вздохом отломил от лепешки большой кусок. – Это меня сильно огорчает. И не только меня.

– Значит, ты все-таки пришел ко мне по поручению эфоров! – проворчал Эвридам. – Как видно, кому-то из них не спится спокойно при мысли, что мой сон беззаботен и крепок.

– Не злись, друг мой, – сказал Тимон, жуя лепешку. – Разве плохо, что эфоры вспомнили о тебе?

– Что же эфоры не позаботились обо мне четыре года тому назад? – сердито проговорил Эвридам. – Тогда от меня все отвернулись! И вдруг – такая милость от Эгидов и Тиндаридов! Мне это непонятно, клянусь Зевсом.

– Да брось ты в самом деле! – с легким раздражением обронил Тимон. – Сам ведь знаешь, что спартанская знать невзлюбила тебя за твою дружбу с царем Клеоменом. Клеомен едва не осуществил переворот в Спарте, столкнув лбами знать и народ, а ты был на стороне царя. Когда Клеомен умер...

– Выражайся точнее, – перебил Тимона Эвридам. – Клеомена подло убили те же Эгиды, Тиндариды и Пелопиды. Они обманом завлекли Клеомена в ловушку и расправились с ним! Как это на них похоже – одолевая силу низостью и коварством!

– Так вот, – невозмутимо продолжил Тимон, – со смертью Клеомена изменилось и отношение знатных граждан к тебе, друг мой. Не сразу, конечно. Знать хотела посмотреть, как ты поведешь себя, оставшись без своего могучего покровителя. И хвала богам, что ты повел себя благоразумно, не кинулся мстить за Клеомена, как некоторые из его любимцев. Кстати, где они теперь?

– Одни в изгнании, другие мертвы, – хмуро ответил Эвридам.

– То-то! – Тимон с важностью поднял кверху указательный палец. – Гражданские распри до добра не доводят. Хорошо, друг мой, что твое благоразумие оказалось сильнее чувства мести.

Под конец трапезы Эвридам выпил много вина, отчего обрел благодушное настроение. Он больше не пытался язвить и попрекать своего собеседника его запоздалым благородством, не изливал свою неприязнь на высшую спартанскую знать, которая невзлюбила царя Клеомена за его намерение урезать привилегии спартиатов.